DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_72

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАЧИМЫХ АСПЕКТОВ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СИСТЕМАМ И ЧЕЛОВЕКУ

ПАВЛОВ Иван Сергеевич,
кафедра теории государства и права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург.
E-mail: Pavlov-rubinsky@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассмотрены подходы к определению значимых аспектов наказаний, применяемых к интеллектуальным системам (ИС) и человеку. Автор приходит к выводу, что по отношению к ИС двумя значимыми аспектами наказания являются реабилитация и недееспособность. Когда система искусственного интеллекта обладает способностью осуществлять внутренние изменения, влияющие на ее деятельность, то более уместно было бы применять реабилитацию, а не недееспособность. Однако, если система искусственного интеллекта такими возможностями не обладает, то вывод из строя был бы более актуален. Таким образом, соответствующее наказание по соответствующему делу корректируется с учетом особенностей ИС как правонарушителя.*

Abstract: *The article explores approaches to identifying meaningful aspects of punishments applied to intellectual systems (IP) and humans. The author concludes that two significant aspects of punishment in relation to IP are rehabilitation and incapacity. When an artificial intelligence system has the ability to make internal changes that affect its activities, rehabilitation rather than incapacity would be more appropriate. However, if the artificial intelligence system does not have such capabilities, the decommissioning would be more relevant. The appropriate punishment in the case is thus adjusted to reflect the characteristics of IP as an offender.*

Ключевые слова*: интеллектуальные системы, система наказаний, правонарушения, специальный субъект права.*
Keywords: *intellectual systems, punishment system, offenses, special subject of law.*

Процессы глобализации общественно-политического, государственно-правового и финансово-экономического развития национальных обществ и государств, по мнению ряда авторов, неминуемо приводят к существенному изменению всех отраслей права в отдельных государствах. [1; 3; 5; 7; 9; 11] Уголовное право не является исключением. Важное значение, при этом, приобретают исследования, касающиеся определения значимых аспектов наказаний, применяемых к интеллектуальным системам.[15-18]

При определении вида и меры наказания, назначаемого виновному, суд руководствуется общими целями наказания. Ожидается, что суд будет оценивать и оценивать каждое дело в этом контексте, основываясь на двух типах соображений: данные о правонарушении и о правонарушителе.

Когда суд оценивает эти два вида данных, он делает это через призму общих целей наказания. Как считают исследователи, в современном уголовном праве существует четыре общепринятых общих цели наказания. Эти четыре цели – возмездие, сдерживание, реабилитация и недееспособность. [12]

Возмездие – самая древняя цель наказания в уголовном праве. Наказание – это причинение страданий преступнику за совершение преступления, а возмездие предназначено для того, чтобы заставить его заплатить за это.

Для того чтобы возмездие было эффективным и справедливым, страдания, вызванные наказанием, должны учитывать индивидуальность преступника, а страдания, вызванные преступлением, должны быть точно сопоставлены со страданиями, вызванными наказанием. Объектом страданий здесь выступает преступник. Таким образом, возмездие измеряет субъективную цену страдания с точки зрения преступника. [12]

Возмездие считается доминирующей целью наказания, но оно не является единственным, и оно не обеспечивает решения всех потребностей современного наказания, соответственно, возмездие должно быть дополнено другими общими целями наказания. Необходимо понимать, что возмездие – это проявление желания заставить преступника страдать за свои вредные действия (lex talionis), желания, которые не учитывают предполагаемых социальных последствий. Возмездие может быть основанием для наказания,

даже если от этого наказания не ожидается прямой социальной выгоды. Таким образом, с точки зрения возмездия будущие социальные последствия наказания совершенно несущественны. Возмездие рассматривает фактические компоненты преступления узко, исключая широкий социальный аспект. Поэтому возмездие должно быть дополнено другими, предполагаемыми, общими целями наказания.

Сдерживание – это современная цель наказания в уголовном праве. Оно основан на предположении, что преступник является рациональным человеком и поэтому рассматривает ожидаемые издержки и выгоды от совершения или не совершения преступления. Экспертиза проходит в сознании преступника до принятия решения о совершении преступления. оскорбление. Сдерживание является перспективной целью наказания, поскольку оно относится только к будущему. С точки зрения преступника и общества, сдерживание направлено не на уже совершенное преступление, а на дальнейшие преступления. Сдерживание не имеет отношения к прошлому, поскольку ни один преступник не может быть сдержан задним числом. Следовательно, индивиды всегда удерживаются от совершения новых преступлений в будущем – этим сводит к минимуму феномен, известный как рецидивизм. [14]

Реабилитация - это перспективная цель наказания, поскольку она относится только к будущему. С точки зрения преступника и общества, реабилитация не затрагивает уже совершенное преступление, а только дальнейшие преступления. Реабилитация не имеет отношения к прошлому, так как ни один преступник не может быть реабилитирован задним числом, и ее целью является только предупреждение рецидива. Совершен-

ное преступление служит лишь первоначальным пусковым механизмом для инициирования процесса реабилитации, но не рассматривается непосредственно этим процессом.

Реабилитация может дать преступнику возможность пройти процесс ресоциализации и реинтегрироваться в общество таким образом, чтобы не допустить делинквентности.

Реабилитация не направлена на борьбу с уже совершенным правонарушением, а только на предотвращение совершения дальнейших правонарушений. Цель реабилитации состоит в том, чтобы обеспечить решение потенциальной социальной угрозы, воплощенной в поведении преступника.

Однако современное уголовное право предпочитает наказание за поведение (in rem), а не за личный статус (in personam). В результате реабилитация не может служить единственным соображением или целью наказания и может лишь дополнять другие цели наказания. [14]

Недееспособность считается современной общей целью наказания. Она

основана на предположении, что иногда у общества нет иного способа защитить себя от правонарушений, кроме как физически предотвратить повторное преступление правонарушителя. Физическое предупреждение принимает форму выведения из строя физических (телесных) возможностей

правонарушителя к совершению правонарушения. Профилактические средства могут варьироваться в зависимости от вида правонарушения, которое должно быть предотвращено и в соответствии с физическими возможностями правонарушителя.

Издавна такие средства могли включать смертную казнь, длительное тюремное заключение, ампутацию конечностей, изгнание, кастрацию, химическую кастрацию и т. д. Например, предположение состоит в том, что сексуальный преступник, совершающий свои преступления из-за эндокринологических проблем (гормональный дисбаланс), может достичь необходимого баланса с помощью воздействия химических препаратов, и что преступник, совершивший преступления против собственности, может быть предотвращен от совершения дальнейших имущественных преступлений, если ему отрубят руки. [10]

Недееспособность является предполагаемой целью наказания, поскольку она относится только к будущему. С точки зрения преступника и общества, недееспособность не касается уже совершенного преступления, а только будущих преступлений. Следовательно, целью выведения индивида из строя всегда является предотвращение совершения дальнейших правонарушений в будущем. [12]

Хотя недееспособность, реабилитация и сдерживание являются предполагаемыми целями наказания, и все три предназначены для предотвращения рецидива, они имеют существенные различия. Реабилитация и сдерживание предназначены для создания внутреннего сознательного изменения в сознании преступника, чтобы предотвратить совершение им дальнейших преступлений. Реабилитация направлена на достижение той же цели путем устранения корней делинквентности, а целью сдерживания является борьба с внешними симптомами делинквентности, как отмечалось выше. Напротив, недееспособность действует не через внутренние сознательные изменения, а через физическое предотвращение дальнейшей преступности.

Необходимо сказать, что недееспособность эффективна даже тогда, когда преступник не чувствует солидарности с социальными ценностями профилактики правонарушений и даже если он все еще проявляет крайнее желание совершать дальнейшие правонарушения. [8]

На основании приведенных выше четырех целей наказания необходимо определить, каковы соответствующие цели технологии ИС? Возмездие предназначено для удовлетворения общества в большей степени, чем оно предназначено для преступника. Причинение страданий обидчику, само по себе, не имеет перспективная ценность. Страдание может сдерживать преступника, но это является частью общей цели сдерживания, а не возмездия. Возмездие может дать некоторый катарсис обществу и жертвам через причинение страданий преступнику. Наказывать машины посредством возмездия в этом контексте было бы бессмысленно и непрактично.

ИС не может испытывать страданий, и до тех пор, пока возмездие основано на страдании, оно не может иметь отношения к наказанию ИС. Более того, если возмездие функционирует как смягчающий фактор наказания, чтобы предотвратить месть, оно просто усиливает нерелевантность возмездия в отношении ИС. Предполагается, что месть причиняет преступнику больше страданий, чем официальное наказание, однако, поскольку машины не испытывают страданий, выбор между местью и возмездием для них бессмыслен. [8]

Сдерживание предназначено для предотвращения совершения следующего преступления путем запугивания. Для ИС запугивание – это чувство, которое они не могут испытать. Само запугивание основано на будущих страданиях, налагаемых в случае совершения преступления. Поскольку ИС не испытывают страданий ни в то, ни в другое время. как уже было сказано, причина запугивания, помимо самого запугивания, также ничтожна при рассмотрении соответствующего наказания для ИС. Однако как возмездие, так и сдерживание могут быть релевантны в качестве целей наказания в отношении людей, которые являются участниками совершения преступления (например, пользователей и программистов).

Что касается реабилитации, то системы искусственного интеллекта могут испытывать процессы принятия решений и принимать решения, которые могут показаться необоснованными. Иногда система искусственного интеллекта может нуждать-

ся во внешнем руководстве для совершенствования процесс принятия решений. Это может быть частью процесса машинного обучения.

Реабилитация в данной ситуации действует точно так же, как для человека, поэтому она может быть применима и к ИС. Реабилитация людей

заставляет их принимать лучшие решения в повседневной жизни с точки зрения общества. Соответственно, наказание при таком подходе будет направлено на совершенствование процесса машинного обучения.

Система искусственного интеллекта после реабилитации сможет формировать лучшие и более точные решения, добавив больше ограничений на свое усмотрение и уточнив процесс с помощью машинного обучения. Таким образом, наказание, если его правильно применить к конкретной системе искусственного интеллекта, станет частью процесса машинного обучения. Благодаря этому процессу, система искусственного интеллекта получит новые инструменты для анализа фактических данных, чтобы разобраться с ними более полно. [4; 13] Аналогичная ситуация происходит и в случае применение реабилитации к человеку: благодаря реабилитационному наказанию, человек по-новому может взглянуть на окружающую среду, проводя глубокое осмысление своих поступков и поведения.

Следовательно, реабилитация может быть актуальной целью наказания для ИС, поскольку она не основана на запугивании или страдании, а направлена на создание лучших характеристик систем искусственного интеллекта. Для людей, это соображение может быть вторичным в большинстве случаев, однако для систем искусственного интеллекта оно может быть основной целью наказания.

Что касается недееспособности, то если ИС совершает правонарушения во время своей активации и не имеет возможности изменить свои пути через внутренние изменения (например, через машинное обучение), то только недееспособность может быть реализована в качестве цели наказания. Независимо от того, понимает ли система искусственного интеллекта смысл своей деятельности или нет, и оснащена ли система искусственного интеллекта надлежащими инструментами для осуществления внутренних изменений, ее преступные действия должны быть предотвращены. В такой ситуации общество должно лишить систему искусственного интеллекта ее физических возможностей для совершения дальнейших правонарушений.

Конкретная система искусственного интеллекта должна быть вне круга правонарушений, независимо от ее навыков. По существу, именно так общество поступает в случаях, когда правонарушение совершается человеком. [8]

Можно сделать вывод, что по отношению к ИС двумя значимыми аспектами наказания являются реабилитация и недееспособность. Когда система искусственного интеллекта обладает способностью осуществлять внутренние изменения, влияющие на ее деятельность, то более уместно было бы применять реабилитацию, а не недееспособность. Однако, если система искусственного интеллекта такими возможностями не обладает, то вывод из строя был бы более актуален. Таким образом, соответствующее наказание по соответствующему делу корректируется с учетом особенностей ИС как правонарушителя.

Библиография:

1. Гончаров В.В. Социальное бытие глобального конституционализма как идеологии // Философия и культура. - 2016. - № 8 (104). - С. 1158-1167.
2. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. - 2019. - №3.
3. Гончаров В.В. Модель эволюции мироздания в философии глобального конституционализма // Философия и культура. - 2016. - № 10 (106). - С. 1454-1461.
4. Понкин И. В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2018. - № 1. - С. 91-109.
5. Гончаров В.В. Основные тенденции развития глобального конституционализма в современном мире // Социодинамика. - 2016. - № 8. - С. 1-13.
6. Букалерова Л.А., Уторова Т.Н., Сизов Д.О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве // Пенитенциарная наука. - 2020. - №1.
7. Гончаров В.В. Диалектическая модель в доктрине социальных изменений философской концепции глобального конституционализма // Философская мысль. - 2016. - № 11. - С. 75-86.
8. Lynch G.E. The Role of Criminal Law in Policing Corporate Misconduct, 60 LAW & CONTEMP. PROBS. 23 (1997).
9. Гончаров В.В. О некоторых вопросах социально-исторического генезиса глобального конституционализма как социальной концепции // Исторический журнал: научные исследования. - 2016. - № 5. - С. 483-492.
10. Norval M., Incapacitation within Limits, PRINCIPLED SENTENCING: READINGS ON THEORY AND POLICY 90 (Andrew von Hirsch, Andrew Ashworth and Julian Roberts eds., 3rd ed., 2009).
11. Гончаров В.В. Общественное развитие в трактовке философской концепции глобального конституционализма // Философия и культура. - 2016. - № 11 (107). - С. 1517-1523.
12. Hallevy G. Therapeutic Victim-Offender Mediation within the Criminal Justice Process – Sharpening the Evaluation of Personal Potential for Rehabilitation while Righting Wrongs under the Alternative-Dispute-Resolution (ADR) Philosophy, 16 HARV. NEGOT. L. REV. 65 (2011).
13. Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. - Москва, 2016. - 279 с.
14. Pomorski S. On Multiculturalism, Concepts of Crime, and the “De Minimis” Defense, 1997 B.Y.U. L. REV. 51 (1997).
15. Baybarin A., Afonin M.V., Maksimenko E.I., Goncharov V.V., Singilevich D.A. (2020) Information security of Internet users: Technological and legal opportunities for personal protection. - EurAsian Journal of BioSciences. -№14. – Pp. 6805-6811.
16. Zaprutin D.G., Nikiporets-Takigawa G., Goncharov V.V., Sekerin V.D., Gorokhova A.E. Legal practice in the blockchain era: the use of electronic evidence // Revista Gênero & Direito. - V. 9. - № 05. - Ano 2020. - Special Edition. - Pp. 404-418.
17. Li Wenzheng, Tappaskhanova M.A., Nikiporets-Takigawa G., Gorokhova A.E., Goncharov V.V. Healthcare Management: Prospects and Risks of Using Blockchain Technology // Helix (2020). - № 10 (5). - Pp. 230-235. https://doi.org/10.29042/2020-10-5-230-235.
18. Kamalieva L.A., Kazakova I.A., Nikonovich S.L., Goncharov V.V., Livson M. Improving information security: criminal-legal means of counteracting digital data leakage // Laplage em Revista (Sorocaba). – 2020. – Vol. 6. – nExtra-C, Sept. – Dec. - Pp. 222-229.